

БУРЯТОВЕДЕНИЕ

УДК 81'37=512.31

doi: 10.18101/1994-0866-2016-2-3-9

Человек в языковой картине мира бурят (по результатам ассоциативного эксперимента)

© **Дырхеева Галина Александровна**

доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6

E-mail: an5dag1@mail.ru

Статья посвящена выявлению концептуальных особенностей одного из базовых понятий национальной картины мира *человек*. На основе данных ассоциативного эксперимента, проведенного среди бурят-билингвов, а также сопоставления с материалами по «Русско-му ассоциативному словарю» делается попытка определить общие и специфические черты лексического наполнения образа *человек* в бурятской языковой картине мира, а также выявить особенности влияния русского языка на языковое сознание бурят, степень его трансформации в условиях бурятско-русского двуязычия. В результате проведенного эксперимента установлено, что пока сила влияния национального языкового кода достаточно высокая, соответственно, поддерживается национально-культурное своеобразие бурятского языкового сознания, в частности, оно более миролюбивое, менее агрессивное. **Ключевые слова:** бурятский язык, языковая картина мира, языковое сознание, образ *человек*, ассоциативный эксперимент, слово-реакция, двуязычие.

Основной задачей большинства современных лингвокультурологических исследований является описание и анализ языковой картины мира (ЯКМ) того или иного народа. При этом считается, что основу ЯКМ составляет ядро языкового сознания (ЯС), которое, в том числе, возможно выявить с помощью анализа ассоциативно-вербальных сетей [1]. Как показывает большинство исследований, посвященных специфике национальной ЯКМ, центральное место в них занимает образ *человек*. Однако очевидно, что лексико-семантическое наполнение этого образа у каждого народа различается, в связи с этим встает задача показать особенности бурятской ЯКМ на примере одного из базовых концептов — *хун* ‘человек’, выявить общие черты и различия в наполнении отдельных частей лексической системы и степени детализации тех или иных свойств человека. Очевидно, что наиболее ярко такие особенности выявляются при сопоставлении данных из разных языков. Материалом для нашего анализа послужил ассоциативный эксперимент, вошедший как часть в лингвистический тест на основе 84 слов-стимулов различных тематических групп (персоналии, цвета, реалии и др.) и частей речи (существительные, прилагательные, глагол), представленных на двух языках — бурятском и русском.

В эксперименте участвовали 140 испытуемых (70 — носители бурятского языка, 70 — буряты, носители русского языка), бурятско-русские билингвы

в возрасте от 18 до 65 лет. Выбор слов-стимулов был обусловлен как задачами данного исследования, так и возможностью использовать их в дальнейшем в различных сравнительных лингвокультурологических и психолингвистических исследованиях. Всего на бурятском языке выявлено 2 580 разнообразных реакций, на русском — 2 924.

Предварительный, внешний анализ полученных результатов позволил в целом отметить равные объемы и наполненность семантических полей на обоих языках.

Итак, для бурятского ЯС самыми важными (в скобках указано количество гнезд (6 и более), куда входят эти слова) являются:

персоналии: *хүн* ‘человек’ (21), *нүхэр* ‘товарищ, друг, муж’ (16), *зон* ‘народ’ (10), *басаган* ‘дочь, девочка, девушка’ (9), *үхибүүн* ‘ребенок, дитя’ (8), *үбгэн* ‘старик’ (8), *хүбүүн* ‘сын, мальчик, юноша’ (7), *багша* ‘учитель’ (7), *аба* ‘отец’ (7), *аха* ‘старший брат’ (7), *эхэ* ‘мать’ (7), *айлиан* ‘гость’ (6);

реалии: *гэр* ‘дом’ (21), *байдал* ‘состояние, положение, ситуация’ (15), *наһан* ‘возраст, годы, век, жизнь’ (14), *һанаан* ‘мысль, намерение, желание’ (12), *юмэн* ‘вещь’ (12), *нотаг* ‘родина’ (11), *хубсаһан* ‘одежда, платье’ (10), *хэрэг* ‘дело, нужда, вопрос’ (10), *наран* ‘солнце’ (10), *сэдьхэл* ‘мысль, намерение’ (10), *ухаан* ‘ум, разум, рассудок’ (10), *эдеэн* ‘пища, еда’ (9), *ном* ‘книга’ (9), *ажал* ‘работа’ (9), *саг* ‘время’ (9), *үдэр* ‘день’ (9), *дуран* ‘любовь’ (8), *тэнгэри* ‘небо’ (8), *ажабайдал* ‘жизнь’ (8), *һонин* ‘новость’ (8), *дэлхэй* ‘мир, земля, свет’ (8), *тала* ‘поле, степь’ (8), *арад* ‘народ’ (7), *бодол* ‘мысль, мнение’ (7), *бэе* ‘тело, организм’ (7), *хэлэн* ‘язык’ (7), *түрэл* ‘родня, родство’ (7), *газар* ‘земля’ (7), *хүл* ‘нога’ (7), *һургуули* ‘школа’ (7), *сэсэг* ‘цветок’ (6), *гүрэн* ‘государство’ (6), *алтан* ‘золото, золотой’ (6), *дасан* ‘дацан’ (6), *жаргал* ‘счастье’ (6), *жэл* ‘год’ (6), *зүрхэн* ‘сердце’ (6), *мүнгэн* ‘деньги’ (6), *шаһжан* ‘религия’ (6), *эрдэм* ‘наука, образование, знание’ (6);

оценки-качества: *һайн* ‘хороший, добрый’ (23), *сэбэр* ‘чистый’ (16), *хүнэй* ‘человеческий’ (15), *сагаан* ‘белый’ (11), *бурыад* ‘бурятский, бурят’ (10), *һайхан* ‘красивый’ (9), *хара* ‘черный, темный’ (9), *гоё* ‘нарядный, красивый’ (9), *дээдэ* ‘верхний’ (7), *үндэр* ‘высокий’ (6), *дулаан* ‘теплый’ (6), *ехэ* ‘большой’ (6), *муу* ‘плохой’ (6), *түргэн* ‘быстрый’ (6), *холо* ‘далеко, далекий’ (6), *шэнэ* ‘новый’ (6).

действия: *ябаха* ‘идти’ (8), *байха* ‘быть’ (6).

К сожалению, распределение лексем по данным категориям было затруднено, что связано с некоторыми языковыми особенностями. Например, слово *бурыад* ‘бурятский, бурят’, как и многие другие слова в бурятском языке, можно рассматривать и как существительное, и как прилагательное, а слова типа *һайн* ‘хороший, добрый, хорошо’ — как прилагательное и наречие. В нашем случае отнесение, например, слова *бурыад* ‘бурятский, бурят’ к оценочно-качественной группе определялось конкретно рассмотренными случаями, которые показали, что в данном эксперименте оно чаще встречается в функции определения.

Выделение в качестве самостоятельной реакции слова *хүнэй* ‘человеческий’, совпадающего с формой родительного падежа от слова *хүн* ‘человек’, также объясняется его более частой встречаемостью в качестве прилагательного.

Как и в случае заполнения анкет носителями русского и других языков [2], тактика их заполнения испытуемыми различалась. Несомненно, что большинство из них использовало тактику предикации. Однако встречаются анкеты, содержащие по две-три реакции на один стимул, для которых характерна «пропозициональная» тактика, например: *наран* — *гэрэл, туяа, дулаан* ‘солнце — свет, луч, тепло’, *үүдэн* — *барюул, нээхэ* ‘дверь — ручка, открывать’, *үнэн зүб* — *хуули, гурим* ‘справедливость — закон, порядок’.

Можно также отметить, что достаточно частой является реакция — дефиниция стимула, пояснение, описание в виде словосочетания, например: *булаг уһан эм* ‘родниковое водное лекарство’ — на стимул *аршан, нюдэээ анимаар* ‘сощурившись’ — на слово *гацуун* ‘горький’, *орожо ерэнэн хүн* ‘пришедший человек’, *бурханай гэр* ‘дом бурхана’ — на слово *дацан, ондоо гүрэнэй* ‘другого государства’ — на слово *хариин* ‘иностранный’ и т. д. В качестве реакций приводятся даже поговорки: *ябаһан хүн яһа зууха* ‘под лежащий камень вода не течет’, букв. ‘ходящий человек кость держит’.

Самые частые слова-реакции бурят на русском языке:

персоналии: человек (21), друг (12), я (мой, моя, мое) (12), люди (11), мама (10), близкие (7), мужчина (7), народ (7), друзья (6), отец (6), бог (5), дети (5), учитель (5);

реалии: жизнь (27), дом (15), любовь (12), все (10), время (9), мир (9), работа (9), тепло (9), день (8), радость (8), сила (8), чистота (8), душа (7), земля (7), красота (7), страх (7), вера (6), дело (6), добро (6), конь (6), луч (6), правда (6), счастье (6), чувство (6), деньги (5), надежда (5), поклонение (5), свет (5), страна (5), труд (5), уют (5), что-то (5);

оценки-качества: хороший (17), чистый (11), добрый (11), любимый (11), новый (11), родной (11), белый (10), большой (10), веселый (9), дорогой (9), светлый (9), красивый (8), святой (8), старый (8), вечный (7), священный (7), интересный (6), один (6), самый (6), сильный (6), яркий (6), верный (5), плохой (5).

Как видно, в первой группе реакций-персоналий при общем совпадении самых частых слов *человек* и *друг* (по данным Н. В. Уфимцевой [4], в русском ЯС эти понятия также являются самыми важными) имеются достаточно существенные отличия. Так, можно отметить появление в русскоязычной группе личного местоимения *я* (*мой, моя, мое*), а также такого понятия, как *бог*. Если *я* также входит в самую частотную группу по данным Русского ассоциативного словаря (РАС) [3] и его появление можно объяснить влиянием русского языка на бурятское ЯС, то выделение слова *бог*, скорее всего, связано с тем, что среди слов-стимулов были заданы такие специфичные регионализмы, как *дацан, сэргэм* и *Будда*. Можно также отметить, что показателем важности для бурят родовых отношений является сохранение в этой группе слов *мама, близкие* и *отец*, которые отсутствуют как самые важные в русском ЯС. Характерно также то, что в отличие от ЯС сознания в двуязычном бурятском сознании отсутствуют такие слова с пейоративной окраской, как *дурак* (занимающее, по данным РАС, третье место в списке русских реакций-реалий) и *мужик*.

Совпадения реакций бурятских респондентов на родном и русском языках и данных по РАС, представленных Н. В. Уфимцевой [5, с. 236] о языковом сознании русских, подтверждает наличие такого общего круга ценностей, как *дом, жизнь, родина, друзья, работа, мир, любовь*. То есть независимо от этнокультурной принадлежности система общечеловеческих культурных ценностей стабильна.

Таким образом, слово *хун* 'человек', как и по результатам тестов на других языках, является одной из самых частых реакций-персоналий, оно встречается в качестве реакции на 21 слово-стимул. По данным свободного ассоциативного эксперимента, у представителя бурятского этноса ассоциативное поле *хун* 'человек' показано следующими различными реакциями: *арад* 'народ', *болохо* 'становиться', *буряад* 'бурят, бурятский', *гар* 'рука', *жаргал* 'счастье', *наһан* 'возраст, годы', *улад* 'люди, народ', *ябана* 'идти' и т. д. Однако в бурятском ЯС *хун* 'человек' — прежде всего *нүхэр* 'товарищ, друг, муж'.

В целом в ассоциативном поле *хун* 'человек' выделяются универсальные обобщающие реакции (*амитан* 'живое существо, животное', *ажабайдал* 'жизнь', *арьяатан* 'хищники'), реакции, характеризующие человека как существо разумное (*сэсэн* 'мудрый', *ухаатай* 'умный', *һанаан* 'мысль'), представляющие его качества (*һайн* 'хороший'), его наружность (*гар* 'рука', *хул* 'нога', *яһан* 'кость'). Достаточно существенную группу составляют реакции, которые определяют человека как социальное существо, представителя цивилизации, нации, человеческой семьи, общества: *улад* 'люди', *арад* 'народ', *зон* 'народ, люди, население', *дэлхэйн эзэн* 'хозяин земли, мира', *юртэмсын эзэн* 'хозяин вселенной', *буряад* 'бурят', *түрэлтэн* (*хун түрэлтэн* 'человечество'). Очевидно влияние на виды реакций на бурятском языке такой специфической грамматической особенности, как парное словообразование (*хун зон, хун амитан, арад зон*), а также устойчивое словообразование (*эрэ хун* 'мужчина', *эмэ хун* 'женщина').

Если сравнить ассоциации русских и бурят, то можно обнаружить как сходные, так и различные реакции на стимул *хун* 'человек'. При этом можно отметить, что реакции бурят, представленные на русском языке, в целом ближе к реакциям представителей русской национальности. В частности, это связано с появлением такой нехарактерной для бурятского ЯС реакции, которая относится к самому информанту, как местоимение *я*.

В отличие от русского ЯС русскоязычное бурятское ЯС не содержит таких негативных характеристик, как *глупость, жадность, слабость, скотина, страшный* и т. д. Пейоративную окраску имеют только две реакции: *мужик* и *нехороший*.

Однако более яркую палитру характеристики человека представляет так называемый обратный ассоциативный словарь, в котором отражено количество вхождений слова в гнезда — слова-стимулы. Как отмечено выше, слово *хун* 'человек', как и по результатам тестов на других языках, является одной из самых частых реакций-персоналий, оно встречается в качестве реакции на 21 слово-стимул, более частым является только *һайн* 'хороший, добрый' (23), такую же частоту, как слово *хун* 'человек', имеет слово-реалия *эр*

‘дом’ (21), далее идут *нүхэр* ‘товарищ, друг, муж’ (16), *байдал* ‘состояние, положение, ситуация’ (15), *сэбэр* ‘чистый’ (16) и т. д.

Слово *хүн* ‘человек’ является реакцией на слова: *айлиан* ‘гость’ (макс. частота в группе реакций на данное слово — 10), *буряад* ‘бурятский, бурят’, *зайха* ‘гулять’, *хайн* ‘хороший, добрый’ (13), *гүрэн* ‘государство’, *ажаябуулга* ‘деятельность’, *нүхэр* ‘товарищ, друг, муж’, *хүнэнэн* ‘душа’ (18), *хүсэхэ* ‘желать’, *эхэнэр* ‘женщина’ (8), *наһан* ‘жизнь, возраст’ (8), *хуули* ‘закон’, *бэеын элүүр* ‘здоровье’, *танил* ‘знакомый’ (14), *хариин* ‘иностранный, чужой’ (16), *түүхэ* ‘история’, *үнэн* ‘истина, правда’, *гоё* ‘красивый’, *дуран* ‘любовь’, *эхэ* ‘мать’, *залуу* ‘молодой’, *дарга* ‘начальник’, *шэнэ* ‘новый’, *туһалха* ‘помогать’, *өөрын* ‘свой’, *зүрхэн* ‘сердце’, *үгэ* ‘слово’, *нохой* ‘собака’, *һэишхэл* ‘совесть’, *үнэн зүб* ‘справедливость’, *хара* ‘черный’, *нэрэ хүндэ* ‘честь’.

Во многих случаях слово *хүн* является реакцией на слова, которые выступают в функции определения: *үнэн* ‘истина, правда, правдивый, честный’.

Кроме того, слово встречается в качестве второго компонента в словосочетаниях типа: *ажалиша хүн* ‘работяга’, *хари хүн* ‘иностранец, чужой человек’, *зүүн зүгэй хүн* ‘восточный’ — реакция на *хитад хүн* ‘китаец’, *наһатай хүн* ‘пожилой человек’, *хүндэтэй хүн* ‘уважаемый человек’ — реакция на слово *айлиан* ‘гость’, *һамган хүн*, *эмэ хүн* ‘женщина’ — реакция на слово *эхэнэр* ‘женщина’, *шиираг хүн* ‘здоровяк’ — реакция на слово *бэеын элүүр* ‘здоровье’, *таниха хүн* ‘знакомый человек’, *мэдэхэ хүн* ‘знакомый’ — реакция на слово *танил* ‘знакомый’, *холын хүн* — реакция на слово *хариин* ‘иностранный’, *сэхэ хүн* ‘прямой, открытый человек’ — реакция на слово *үнэн* ‘истина, правда’, *дуратай хүн* ‘любящий, любимый человек’, *эгээн дүтэ хүн* ‘самый близкий человек’ — реакция на слово *эхэ* ‘мать’, *ургажа ябаһан хүн* ‘растущий человек’ — реакция на слово *залуу* ‘молодой’, *бэһэтэй/бүһэтэй хүн* ‘мужчина, букв. опоясанный человек’, *ноён хүн* ‘начальник’ — реакция на слово *дарга* ‘начальник’, *мал дээрэ туһалдаг хүн* ‘помощник по уходу за скотом’ — реакция на слово ‘*сакман*’, *хатуу хүнэй* ‘жестокого человека’ — реакция на слово *зүрхэн* ‘сердце’, *үбгэн хүнэй хүндэтэ* ‘почтенного старца’ — реакция на слово *үгэ* ‘слово’, *муу хүн* ‘плохой человек’ — реакция на слово *нохой* ‘собака’, *наһатай хүн* ‘пожилой человек’ — реакция на слово *нэрэ хүндэ* ‘честь’, *ута хүн* ‘высокий человек’, *шара хүн* ‘русый’ — реакция на слово *ород* ‘русский’ и другие.

Позиции слова укрепляет также форма *хүнэй* ‘человеческий, человеческий, людской’, частота встречаемости которого также высокая — в 15 гнездах-реакциях: *хүнэй ажабайдал* ‘человеческая жизнь’, *хүнэй тамир* ‘сила человека’, *хүнэй хуби* ‘человеческая участь’ и другие.

Несомненно, что в ЯС бурят номинативное поле *хүн* ‘человек’ представлено языковыми единицами, характеризующими человека по половому признаку: *эхэнэр* ‘женщина’, *эмэ хүн* ‘женщина’, *эрэ хүн* ‘мужчина’.

Эксперимент, проведенный среди бурятских респондентов на бурятском и русском языках, показал, например, следующую специфику определения ‘мужчины’ — *эрэ хүн*: на первом месте в бурятском варианте стоит реакция ‘отец’ — *аба*, *эсэгэ*, *баабай* (лексемы различных диалектов); на втором —

бэһэ, бэһэтэй, бүһэтэй ‘пояс, опоясанный’. Наличие кушака, практически, стало в бурятском языке и культуре определением мужчины: *бэһэтэй хүн* — ‘мужчина’. В варианте ответов на русском языке первое место занимает определение ‘сила, сильный’, на втором — ‘отец, папа’. Если особенностью русских вариантов реакций является наличие таких внешних определений ‘мужчины’, как *красивый, красавец*, то на бурятском языке значимыми являются национально-культурные определения: *хазаартай* ‘конь, аргамак’, *эмээлтэй* ‘оседланный’, *мэргэн* ‘меткий стрелок’. При этом чаще оцениваются его деловые качества: *ажалиша* ‘труженик’, *ангууша* ‘охотник’, *хүдэлмэри* ‘работа’, *машина, род (продолжатель рода), агнуури* ‘промысел, охота’. На русском языке представлены только две деятельностные характеристики: *работяга* и *продолжатель рода*. Можно также отметить, что в бурятских материалах на обоих языках, практически, не представлены какие-либо негативные характеристики ‘мужчины’. Так, стереотипами мужского поведения в русской и других культурах считаются, в том числе: трус, скряга, пустомеля, гуляка и т. д. Для бурятской же языковой культуры, и это отмечается другими авторами, характерна даже такая оценка ‘мужчины’, как *эрдэни* ‘драгоценность’.

Итак, можно сказать, что лексические единицы, отражающие психические и физические свойства *человека*, несут важную культурологическую информацию и ценны для изучения ЯКМ. Концепт *человек* по своему содержанию очень разнообразен, так как включает в себя все параметры внутренних и внешних свойств человека. В результате проведенного эксперимента было установлено, что ассоциативные поля образа *человек* в бурятском и русском языках имеют как общие, так и специфические особенности. Например, как и в других языках, наиболее обширным из выделенных является микрополе лексем, характеризующих человека как общественное существо. Разница же в реакциях бурят-билингвов в том или ином языке связана с языковыми стереотипами, закрепленными за соответствующими словами, которые определяются системно-структурными особенностями языка и только во вторую очередь национальными различиями в представлении о мире. Можно также отметить по тесту на бурятском языке, что, за редким исключением, на слова-стимулы давались ответы или слова-реакции также на бурятском языке. То есть сила влияния национального языкового кода пока достаточно высокая. Несомненный интерес представляют сравнение языкового сознания бурят в условиях бурятско-русского двуязычия, представленные ассоциативные реакции бурят на русском и бурятском языках. Как показывают многие исследования, иноязычное влияние способствует не просто изменению лексического состава и коммуникативных норм того или иного языка, оно трансформирует его культурную и ценностную систему. Однако пока велика сила влияния национального языкового кода, как свидетельствуют наши данные, сохраняется национально-культурное своеобразие бурятского языкового сознания, оно, в частности, более миролюбивое, менее агрессивное.

Литература

1. Дырхеева Г. А. Образные сравнения и национально-культурная специфика языкового сознания (на примере бурятско-русского двуязычия) // Вестник БГУ. — 2008. — Вып. 10. — С. 3–9.
2. Караулов Ю. Н. Типы коммуникативного поведения носителей языка в ситуации лингвистического эксперимента // Этнокультурная специфика языкового сознания: сб. ст. — М., 2003. — 256 с.
3. Русский ассоциативный словарь / Ю. Н. Караулов и др. — М., 1994. — Кн. 1. — 224 с.
4. Уфимцева Н. В. Образ мира русских: системность и содержание // Язык и культура. — 2009. — № 4. — С. 98–111.
5. Уфимцева Н. В. Языковое сознание: динамика и вариативность. — М.: Изд-во Ин-та языкознания РАН, 2011. — 252 с.

**A human in the linguistic worldimage of Buryats
(based on the results of associative experiment)**

Galina A. Dyrkheeva

DSc in Philology, Professor, Chief Researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, SB RAS
6 Sakhyanovoi St., Ulan-Ude 670047, Russia

The article reveals the conceptual features of one of the basic concepts of national worldimage – a human. Basing on the data of the association experiment, which was carried out among bilingual Buryats, as well as on the comparison with the materials of "Russian Associative Dictionary" we made an attempt to identify the common and specific features of human image lexical content in the Buryat linguistic worldimage. We noted a particular influence of the Russian language on the linguistic consciousness of Buryats, the degree of its transformation in the conditions of Buryat-Russian bilingualism. As a result of the experiment it was found that actually the national language code have a great influence, national and cultural identity of Buryat linguistic consciousness is more peaceful and less aggressive.

Keywords: the Buryat language, linguistic worldimage, linguistic consciousness, image of a human, associative experiment, a word-response, bilingualism.

References

1. Dyrkheeva G. A. Obraznye sravneniya i natsional'no-kul'turnaya spetsifika yazykovogo soznaniya (na primere buryatsko-russkogo dvuyazychiya) [Figurative Comparison and Ehtnocultural Specificities of Linguistic Consciousness (the case of Buryat-Russian bilingualism)]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. — Bulletin of Buryat State University. Series Philology*. 2008. V. 10. Pp. 3–9.
2. Karaulov Yu. N. Tipy kommunikativnogo povedeniya nositelei yazyka v situatsii lingvisticheskogo eksperimenta [Types of Native Speakers' Communicative Behavior in the Situation of Linguistic Experiment]. *Etnokul'turnaya spetsifika yazykovogo soznaniya — Ethnocultural Specificities of Language Consciousness*. Moscow, 2003. 256 p.
3. Karaulov Yu. N., Sorokin Yu. A., Tarasov E. F., Ufimtseva N. V., Cherkasova G. A. *Russkii assotsiativnyi slovar'* [Russian Associative Dictionary]. Moscow, 1994. Bk 1. 224 p.
4. Ufimtseva N. V. Obraz mira russkikh: sistemnost' i sodержanie [The Worldimage of Russians: The Systemacy and Content]. *Yazyk i kul'tura — Language and Culture*. 2009. No. 4. Pp. 98–111.
5. Ufimtseva N. V. *Yazykovoe soznanie: dinamika i variativnost'* [Language Consciousness: The Dynamics and Variability]. Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences Publ., 2011. 252 p.